

Елена Викторовна Чистьякова (Шматко) родилась в городе Саратове. Преподаватель изобразительного искусства, мелкой пластики, истории искусств. Поэт, прозаик, фольклорист, баснописец. Публиковалась в журналах «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Памир», «Губернский стиль», «Литературный Тамбов», «Пересвет», в сборниках издательства «Художественная литература» и других изданиях. Автор более двадцати книг. Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Елена Чистьякова

«ТАКА ЖИСТЬ...»

Рассказ

Баба Маня надумала помирать. Была пятница, обеденное время, похлебав пшеничного кулешу, запив его молоком, она, утерев передником рот, глядя через стекло кухонного окна куда-то вдаль, промолвила обыденным, бесцветным голосом:

— Валькя! Паслязавтра помирать буду, в воскресенья, аккурат пред обедней.

Дочь ее Валентина, передвигая на плите кастрюли, на мгновенье замерла, потом резко, всем телом развернулась лицом к матери и села на табурет, держа в руках тряпку:

— Ты что это надумала?

— А время кончилась, все таперича, пожила, будя. Подсобишь мяне помыться, одежду новую из смертного узялка достань. Ну, ета мы пасля с тобою обсудим, хто хоронить будить, хто мяне могилку рыть станить, время пока есть.

— Это что же, надо бы всем сообщить, — растерялась дочь, — чтоб успели приехать попрощаться.

— Во-во, абязательна сообщчи, говорить с имя буду, — невозмутимо выдохнула баба Маня.

— Хочешь все рассказать напоследок? — пытливо заглянув в глаза матери, поняла ее мысли Валентина и одобрила решение. — Это верно, пускай знают.

Старушка согласно покачала головой и, опираясь на руку дочери, засемила к своей постели.

Была она маленького росточка, сухонькая, личико — как печеное яблочко, все в морщинах, но глаза живые, блестящие. Волосы редкие, сивые, гладко зачесанные, собраны в пучок на затылке, подхваченные гребешком и убраны под беленький ситцевый платочек. Хоть по хозяйству она давно не занималась, но фартук-передник надевала по привычке. Пока дочь хлопотала возле печи, баба Маня обычно молча сидела на табурете, поджав и пристроив на перекладинку короткие, обутые в чуни ноги, напоминая худенького подростка. На колени клала свои натруженные руки, с крупными, будто раскатанными скалкой кистями и пальцами, короткими и широкими. Шел ей восемьдесят девятый год. И вот, надо же, собралась помирать.

— Мам! Я на почту дойду, дам телеграммы, ты как? — уточнила Валентина.

— Ниче, ниче, ступай с Богом, — успокоила волнения дочери. — А я поляжу пока.

Оставшись одна, баба Маня призадумалась. Мысли занесли ее далеко, в молодость. Вот она со Степаном сидит над рекой, грызет травинку, он улыбается ей нежно так. Свадьбу свою вспомнила. Маленькая, ладненькая, в креп-сатиновом светлом платье вышла невеста в круг и давай плясать с притопом под гармонь. Свекровь, увидев избранницу сына, сказала тогда:

— Чаво проку от такой-та в хозяйстве, мелковата, да и родить ли?

Не угадала она. Маша оказалась трудолюбива и вынослива. В поле, в огороде работала наравне со всеми, не угонишься за ней, много трудодней зарабатывала, ударницей была, передовичкой. Дом стали ставить, она первая помощница Степану, подать-принести, поддержать. Дружно жили они с мужем, душа в душу, как говорят. Через год, уже в новой хате, родила Маша дочь Валюшку. Было дочке четыре года, и подумывали о втором ребенке, как началась война. Степана призвали в первые же дни.

Вспомнив проводы его на фронт, баба Маня судорожно вздохнула, перекрестилась, утерев влажные глаза фартуком:

— Соколик мой родимай, уж сколь я по тебе горилася, сколь слез пролила! Царствие тебе нябеснае и вечнай покой! Скоря свидимси, погоду маненькой!

Ее мысли прервала вернувшаяся дочь. Пришла она не одна, а с местным фельдшером, что лечил, почитай, все село.

— Как Вы тут, баба Маня, приболели? — участливо наклонился фельдшер и спросил громко, почти в самое ухо.

— Ой, и чаво ж ты, милоч, так надрываисси, чай не глухая, чую, — отшатнулась от фельдшера баба Маня и тут же степенно ответила на вопрос его: — Ничаво, не жалуясь пока, слава тебе Господи!

Он послушал старушку, измерил давление, даже градусник поставил, — все оказалось в норме.

Перед уходом, отведя Валентину в сторону, фельдшер, понизив голос, сказал:

— Видимо, истощился жизненный ресурс. Это не доказано наукой, но, кажется, старики чувствуют, когда уйдут. Крепись и готовься потихоньку. А что ты хочешь — возраст! Э-хе-хе!

В субботу Валентина искупала мать в бане, обрядила во все чистое, и та улеглась на свежестеленную кровать, сложив на груди руки и впе-

рив глаза в потолок, как бы примеряясь к предстоящему состоянию. После обеда стали съезжаться дети.

Иван, грузный лысоватый мужчина, шумно войдя в дом, занес целую сумку гостинцев.

Близнецы Василий и Михаил, смуглые, черноволосые, носы с горбинкой, появились на пороге, приехав вместе на машине из города.

Дочь Тоня, сильно раздобревшая, с благодушным лицом, свойственным полным людям, добралась на рейсовом автобусе из соседнего района, где жила с семьей.

И последней, уже ближе к вечеру, на такси от железнодорожной станции приехала Надежда. Стройная, рыжеволосая, директор школы в областном центре.

С тревожными лицами, сморкаясь в платки, утирая слезы, они входили в дом, сразу проходя к матери, казавшейся такой маленькой и беспомощной на большой постели, целовали ее и, держа за руку, спрашивали, заглядывая с затаенной надеждой в глаза:

— Мам, что ты удумала, еще поживешь, ты у нас сильная.

— Была, да вся вышла, — отвечала баба Маня и, поджав губы, вздохнула, — отдохайтя покедава, завтра поговорим, не боитесь, до обедни не помру.

Приехав к матери, дети по давно сложившейся привычке взялись помогать по хозяйству. Тут все знакомое и родное, дом их детства. Михаил с Василием рубили дрова и складывали под навес, Иван таскал в бочку воду из колонки, Антонина отправилась кормить скотину и кур, а Валентина с Надеждой занялись ужином.

Потом на кухне, собравшись за большим столом, дети бабы Мани разговаривали вполголоса, а она, уставившись в белый потолок, как на экране увидела свою жизнь.

Тяжко пришлось в войну, холодно, сурово и голодно. Ходила на поле весной выковыривать мелкие промерзлые черные картофелины, оставшиеся с осени, терла их и жарила драники. Благо нашла в бане на окошке небольшую бутылочку с льняным маслом. Когда-то, еще до войны, после парилки смазывала им загрубевшие ступни ног. Повезло! Стала по капельке добавлять на скорородку. А тот небольшой запас картошки, что был в погребе, берегла и не прикасалась. Как установились теплые майские дни, посадила почти одними глазками, не могла большего себе позволить, как чувствовала, что война затянется, и горюшка еще хлебнут. Черемшу собирала, щавель, лебеду, крапиву. Ребятишкам перешивала из своего, а как через год после начала войны получила похоронку на Степана, то и из его вещей тоже. Плакала и перекраивала, пахнущие мужем, его потом, его еле уловимыми запахами одеколona и махорки, когда-то вместе купленные вещи. Часто прерывалась и зарываясь мокрым от слез лицом в выкройку, настороженно внюхивалась и притихала, чтобы дети не увидали. Ей слабой быть нельзя.

«А чаво тута паделаишь, така жисть!» — прервав ход своих воспоминаний, тяжело вздохнула баба Маня.

Ближе к осени подкапывала картошку, варила ее и, наполнив горшки, утеплив старыми платками, прихватив малосольных огурчиков, зеленого лучку, ходила за пять верст на узловую станцию выменивать у эшелонов на другие продукты и вещи. Соскучившись по домашней пище, проезжающие охотно менялись.

Когда прибывал военный состав, глядишь, да и разживешься тушен-

кой, салом, а то и кусочек сахара получится — все детям радость. Они худюющие, бледненькие, встречают мать с надеждой в глазах.

Как-то уже к концу войны надумала Маша купить козу. Порылась в сундуках и, достав неприкосновенное — мужний новый бостоновый костюм и свое выходное крепдешиновое платье, — всплакнув над ними, прибавила к этому серебряные сережки с бирюзой и картину с плывущими по озеру лебедями, да и отдала все это богатство за молодую, строптивую козочку. Теперь у ее детишек было молоко, как хорошо-то! Через месяц уже заметно повеселели ребята, румянец на щеках появился.

Да, маялась она одна с детьми. То в школе проблемы, то болезни одолели. Васятка заболел ветрянкой и всех заразил. И смех, и грех! Полный дом, как лягушат, истыканных зеленкой, пятнистых детей. Ногу кто ломает, в драке голову расшибет — за всех душа болела. Вспомнилось еще, как кончилась война да вернулись фронтовики, как стали ее мальчишки поругиваться матерком да курить махорку втихаря, за сараями. Пришлось проявить характер. Зазвала обманом Ваню, Ваську да Мишу как-то в баню, будто подсобить надо, заперла изнутри и накормила табаком, едим самосадам. Орала, отплевывались, но с тех пор ни-ни, не примечала, чтоб курили. А куда деваться, коль мужа нету? Боялась за них, страсть! То Ванечка заблудился в лесу, искали всем селом целый день, то Тося чуть не утонула, попав на реке в водоворот, а Мишу с аппендицитом еле успели до больницы довести, выходили, не помер.

И опять, судорожно вздохнув, подумала: «Така жисть!»

Шли годы, дети росли. К Маше сватались мужчины, вполне достойные были, да как детям скажешь? Начала было однажды разговор с ними, а ребята в один голос: «Зачем мужик в дом? Мы слушаемся, помогаем во всем, нам и так хорошо и дружно!»

Как скажешь им, что стосковалась по мужской ласке, что хочется быть слабой и зависимой, что мочи нет тащить все на своих плечах, хоть часть бы проблем переложить, спрятаться за спину сильного человека, когда плохо. Но тут же посещали и другие мысли: «А как заживать начнеть детей, ну яго к бесу!»

Вот стали подрастать, вошли в свою пору детки ее, только держись! Бессонные ночи у матери под окном, в ожидании. Им свидания, а ей, мамке, утирать горькие слезы обид и разочарований. Да не один час увещевать, уговаривать, что не все потеряно в жизни. Она, жизнь их, только начинается, и все еще будет хорошо.

— Не плачь тяжало, не отдам даляко, хоть за курицу, да на свою улицу, — приобняв за плечи страдающую от неразделенной любви Надюшку, пыталась шутливой поговоркой утешить мать. — А чаво горевать-то, доча, все перемелется, мука будить.

А потом мальчишки ее один за другим пошли служить в армию, провожала, вспомнив войну, плакала. Но, слава Богу, все живые вернулись, окрепшие.

Женились, вышли замуж и разлетелись из гнезда ее дети, одна Валентина не устроила свою судьбу, при матери осталась.

«Така она — жисть!»

Были у них в семье, конечно, и радости, куда без них. Воспитала детей достойными людьми, и руки у всех золотые. Это ли не радость? Гордилась ими. Внучаток родили ласковых да внимательных к бабуле. Каждое лето шум, гам, тарарам в домишке бабы Мани. Внуки на каникулы приехали! Соседок прям завидки брали на такие отношения.

Смежив веки, тихо лежала баба Маня, мысли убаюкали ее, перестали будоражить и пугать страшными картинками из далекой жизни, и она уснула под тихий разговор своих детей, которые продолжали обсуждать что-то на кухне.

Наутро, после завтрака, все собрались вокруг матери. Ей, чтобы было удобно, подложили пару подушек под спину. Обведя детей пристальным взглядом, как бы решаясь на что-то, баба Маня заговорила:

— Проститя мяне за ради Бога, коль чаво не так, робяты. Говорю, чтоб не осталось злыбы аль обиды какой. Живитя меж собой дружна, помогайтя, коль чаво. Я-та уж скоро помру.

Все, одновременно, возмутившись на ее слова, замахали руками, загалдели, перебивая друг друга, но мать категорично остановила их:

— Хотитя, не хотитя, а как Господь решить, так и будить.

Наступила тишина. Переводя взгляд с одного на другого, баба Маня тихим голосом начала свой рассказ:

— Как-то в начале войны, зимой, мы с Валюшкой сидели на печи, она и говорить: «Мамка, штой-та стукаить в дверь и кричить хтой-та». Пошла, глянула. Батюшки-светы! Рябенок ляжить на завалинке и ореть, а рядом ну никого нету. Я поглядела, поглядела — люта, стлыла на улице, да и занясла яго в хату. Голоднай, посинел малец. Жваник сделала с хлеба в тряпицу, теплой вадички дала, уснул. Мать так и не нашлася. Назвали мы дите Ваняткой. Смышленой оказалси.

— Потом, где-та году в сорок втором, тяжелая зима, марозная, на узлавоу станции, возля шелону гляжу, сядить дявчонка годков пяток ей, почитай, как моя Валькя. На узлах сидить, а мамки нету. Я с ей подождала часа два, так она и не объявилася. Поспрашивала там-сям, никто не ведал. А дявчонка та щеки приморозила, побялели они. Интерясуюсь, как звать, бьетса в слязах и молчить. Посля выяснилося — Тоня. Умная дявчонка, добрая.

— А уж в сорок третьем привязли на полутарке в сяло дятей. Сказывали, немцы разбомбили колонну беженцев. «Кто возьметь, осталось десятка два, в других селах разобрали, пожалейтя, бабы, ребятишков, помилосердствуйте!» — кричить охрипший председатель. А кто их будить брать, своих кормить нечем. Гляжу, сидят, как воробушки два одинакавыя, близнята, прижались друг к дружке, годка по два-три им будить. Глазишшы огромныя, плачуть. Говорю председателю:

— Давай на мяне записывай, Васятка да Миха, мои будуть, выдюжим, как-нито. Вот така жисть, робяты. Дружные мальцы были, вязде вместе.

Немного помолчав, передохнув, баба Маня продолжила:

— А Надейку-та я у пьянай мамки ее отбила. Жалко бабу, запила с горя, што мужик погиб. Сама таскалась и яе таскала па дворам да шинкам. А как я дявчонку забрала, тут жа и сгнула. Сказывали спилася да померла. Ох и нахлебалась малая горюшка, не враз оттаяла душой, да время лечить.

В комнате установилась звенящая тишина, дети бабы Мани сидели, переглядываясь, не зная, что и сказать, еще осмысливая услышанное.

— Все, идитя, я устала, нямного посплю, — резко оборвала свою исповедь баба Маня.

— Мамочка, да как же это? Мы ж не знали! — в один голос загомонили все.

— Идитя, идитя таперя, — настаивала баба Маня.

Казалось, ей было неловко, она стеснялась услышать слова благодарности от детей, их недоуменные вопросы.

Все вышли в кухню, стали обсуждать услышанное от матери, делиться своими впечатлениями после сказанного, припоминать то, что стерлось за давностью лет, какие-то подсказки памяти, ощущения. Не чувствовали они себя чужими, тепло и уютно было им в этом доме, и детство виделось счастливым. А если за жизнь и возникали вопросы, то мать однозначно всегда пресекала их словами:

— Все мои, родня, как один. Не дурите мне голову, займитесь делами...

На церковной колокольне ударили в колокол, призывая народ к обедне. Валентина тихо, на цыпочках зашла в комнатку матери, желая укрыть потеплее одеялом. Та лежала, широко открытыми глазами глядя в потолок, на спокойном лице застыла счастливая улыбка. Преставилась.

